

ОНА ПЕРЕПИСАЛА ЖИЗНЬ

Читайте
14-ю
стр.

Женщина-легенда. Она могла влюбить в себя кого угодно. Играла большими политиками с обаянием домашней кошки. Актриса Татьяна Окуневская всегда знала себе цену. Замужество за придворным советским писателем Борисом Горбатовым не принесло ей счастья, а дружба с не менее известным поэтом Константином Симоновым закончилась абсолютной ненавистью. Королева черно-белого кино играла и в пропагандистских советских картинах — “Пышка”, “Горячие денечки”, “Ночной патруль”, и в классике — “Майская ночь”. Последняя известная широкому зрителю киноработа — роль бабушки героини Литвиновой в сериале Александра Митты “Граница. Таежный роман”. Накануне 90-летия актрисы мы встретились с ее дочерью Ингой Суходрев.

ЗВАЗА

Дочь все же похожа на мать.

Ее книга «Татьянин день» начинается цитатой Уильяма Блейка: «В горстке праха — бесконечность». 3 марта она могла отметить свой 90-й день рождения, но два года назад — ушла. В бесконечность. Киноактриса 30-х, в которую послушно и безнадежно влюбилось мужское население советской родины, была замужем за режиссером Дмитрием Варламовым и писателем Борисом Горбатовым. Но обоим в своей книге воспоминаний она изничтожила фактами и эпитетами. Ей дарили жизни, бриллианты, браунинг Евы Браун — и на шесть лет теплеки в лагере. Она могла влюбиться в себя любого — и не могла похвалиться наличием взаимопонимания с собственной дочерью Ингой. Обе они не скрывали того, что отношения порой становились почти невозможными. «Мы очень разные люди!» — говорили женщины как будто в один голос, но разным изданиям. Накануне юбилейной даты, повинуясь авторской фантазии, мать и дочь заговорили по очереди. Разговор о жизни и книге с дочерью блистательной Таты Окуневской — Ингой Суходрев — приоткрывает главную тайну русской актрисы: она осталась актрисой навсегда. Итак, мы сидим с нею на даче в Николиной Горе в доме с большими окнами, которые выпускают в комнату зиму.

Инга Суходрев: — В ней было что-то за гранью моего понимания здравого смысла. В одном из интервью она утверждала, что, в отличие от нее, я очень рассудительна и расчетлива. И в доказательство этого сказала журналисту, что я советовала ей выйти замуж за какого-то академика с дачей, машиной... Это полная чушь. Во-первых, я ей вообще не могла советовать — все равно бы не послушала. Во-вторых, никому из моих друзей-ученых я не пожелала бы испытания мамой как женой. Как обаятельная женщина, блистательная актриса и человек она, бесспорно, состоялась. А вот женой мамы по большому счету никогда не была. В ее характере много было мужского — она даже мужчин бросала как-то не по-женски. Какое-то время ее спасал Горбатов, которого в книге она не просто пишет, а распирает, а он ведь маму безумно любил...

Тата Окуневская: «В некотором царстве, в некотором государстве жила-была девочка, маленькая, беленькая, похожая на крутолобого бычка. И любила эта девочка выковыривать пальчиком варенье из сладкого пирога, и гордо стояла в углу, когда наказывали несправедливо, а когда справедливо — ревела во все горло». Так, с типичной для сказочного повествования фразы, начинаются мемуары «Татьянин день» — как будто автор сама намекает на то, что не все ею написанное — абсолютная правда.

Инга: — В книге она — прежде всего актриса. Там сплошь драматическое действие. Она не переставала играть и вне сцены, вне площадки. «Домашней мамы» я никогда не видела. Она, как и почти все актрисы, брала некий образ, вживалась в него и останавливалась уже не могла. В повседневной жизни ей как воздух нужна была публика. Куда бы мы с ней ни пришли, она всегда создавала себе площадку, была в центре внимания. Что неудивительно: обаятельная, интересная, я уж не говорю о том, что красивая... Она и в глухой деревушке могла закрутить такую драматургию! У мамы имелась одна цель: стать большой актрисой, и все ее усилия были на то направлены. Кстати, в дневнике она пишет, что именно это помогло ей выжить. Вторая часть книги не пошла: и здоровье подвело, и не хватило того драматизма, который сопутствовал ее лагерному существованию. Лагерь остался поэзией, а на воле началась обычная бытовая жизнь — с борьбой за театр, за роли в кино, желанием восполнить прошедшие шесть лет романами неудачными и удачными. Конечно, это было сложнее описывать и придумывать себе героев.

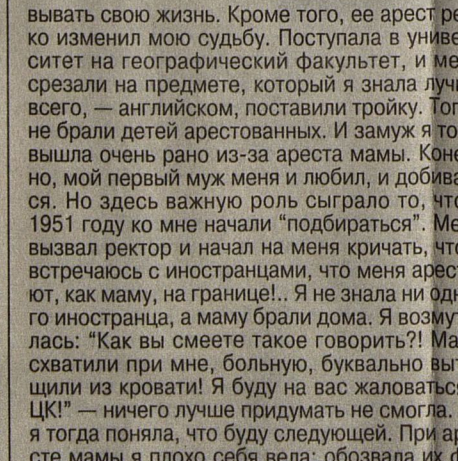
Тата: «Из машины вышел полковник и усадил меня на заднее сиденье рядом с Берией, я его сразу узнала, я его видела на том приеме в Кремле. Он весел, игрив, достаточно некрасив, дрябло окосевший, противный, серо-белый цвет кожи. Оказалось, мы не сразу едем в Кремль, а должны подождать в соборике, когда кончится заседание. Входим. Полковник исчез. Накрытый стол, на котором есть все, что только может прийти в голову. Я сжалась, сказала, что перед концертом не ем, а тем более не пью, и он не стал настаивать, как все грузины, чуть не влияющие вино за пазуху. Берия обнял меня за талию и подталкивает к двери, но не к той, в которую он выходил, и не к той, в которую мы вошли, и, противно сопя в ухо, тихо говорит, что поздно, что надо немного отдохнуть, что потом он меня ответит домой. И все, и провал. Изнасилована, случилось непоправимое, чувств нет, выхода нет, сутки веки не закрываются даже рукой. Взволнованный Берснев. Ужаснулся моему виду. Оказывается, у меня сегодня спектакль. Только Борис (Горбатов). — Авт.) могу все рассказать. Борис меня спасет... он сразу забегал мелкими шагами, затылок налился кровью, что-то залепетал... Он такой жалкий, что я его должна утешать».

Инга: — Я никогда о маминых личных делах не расспрашивала, а она не делилась. Мы не были близки, хотя в трудные моменты жизни я старалась ей помогать. До 15 лет, пока маму не посадили, мы хорошо общались, но воспитывала меня бабушка. Впрочем, у всех кинозвезд так. Я росла девочкой «сама по себе». Когда маму арестовали, мне пришлось самостоятельно, без ее поддержки организо-

Дочь Окуневской
Инга СУХОДРЕВ:
«Многое в своих
мемуарах
мама
придумала»

Она переписала свою жизнь

К/ф «Последняя ночь».

«Ночной патруль».

«Ночной патруль».

«Ночной патруль».

«Ночной патруль».

«Ночной патруль».

«Ночной патруль».

— Немец?!
— Нет. Буквально накануне ареста мама в своем духе обаятельного легкомыслия говорила: «Меня посадят, за мной постоянно следят». Я была в ужасе и не могла поверить в это. И все же арест стал для нее полной неожиданностью. У мамы была удивительная черта характера: она ничего не боялась от... внутреннего ощущения свободы. В своем дневнике она пишет: «Почему я не умею смотреть опасности в лицо? Что это, легкомыслие?» Кроме того, на нее действительно и доносилось было написано много: мама не стеснялась в высказываниях. Сталина называла узкоколым тираном...
Тата: «На допрос. У Соколова на столе моя тетрадь, в которой я делала записи, — я похолодела, чуть не на первой странице записи: «В нашей стране все дерьмо всплыло на поверхность...»
Соколов читает. На столе много бумаг...
— Это надо же так отмочить! И где! На приеме у маршала! Ничего себе тостик, за своих говенных родителей! «За всех, кто в Сибири!» Проститутка рваная...
Мне плохо. Увели.

Инга: — Я вышла замуж, детей родила, окончила институт, начала работать. То есть как взрослый человек я формировалась без участия мамы. Да и вообще — мы с ней были абсолютно разными людьми. Я больше похожа на папу и, может быть, была даже неким разочарованием в ее жизни. Под конец жизни мама стала ко мне относиться даже с какой-то ревностью. Знаете, отношения просто матерей с дочерьми могут быть невероятно сложными, а после того, как я прочитала воспоминания дочери Марлен Дитрих о матери и племяннице Греты Гарбо (этих актрис мама считала мегазвездами), поняла, что если мама еще и актриса — это катастрофа. Мама, например, могла у кого угодно спросить: «А ты правда считаешь Ингу красивой?» Как будто чувствовала какое-то соперничество. Пока она была молодой и красивой, ее моя внешность не волновала так, как с возрастом. Когда родилась Анечка (правнучка Окуневской. — Авт.), ей хотелось, чтобы она стала продолжением ее. Мама написала в дневнике: «Инга сказала, что Аня на нее похожа. Ха-ха!»

— О вашем отце в «Татьянин день» почти ничего хорошего не сказано.

— Книга хорошо написана, очень ярко изображена лагерная жизнь, но мне в ней не понравилось вот что: должна признаться, многое в своих мемуарах мама придумала, усилив драматизм ситуаций. Папу, к примеру, представила выходящим из мешанской семьи, без воспитания, образования. На самом деле Варламов был из очень хорошей, интеллигентной семьи. Кстати, я по сей день думаю, что мой отец, Дмитрий Варламов, был ее первой и единственной любовью. Она же пишет в своих мемуарах: «В молодости все кажется особенно прекрасным, так как не с чем сравнивать». Она родила именно от него ребенка. Мама не раз говорила мне об отце: «Тебя кормили бабушка и дедушка, я зарабатывала, а Митя на каждую зарплату покупал книги!» Это было самым страшным ему обвинением, хотя я думаю, гораздо хуже, когда на водку и на женщин тратят! И потом, папа ведь знал, что я не голодаю. Поймите, мама была очень нетерпимым человеком, и по завершении очередного романа практически ни о ком, кроме как о Юре Соосине, она не оставила добрых воспоминаний. Юрочка Соосин, поэт и музыкант, с которым она работала долго, вызывал у нее положительные чувства, однако и с ним она тоже в конце концов рассталась.

Тата: «О любви Горбатова ко мне рассказывают легенды, но почему же я не чувствую этой любви, не понимаю ее даже головой, не понимаю, как можно для такой любви не отказаться от своих дачных удовольствий, дурных привычек? И мне приходилось верить на слово, что эта любовь есть... Ядя с волнением сообщила мне, что у Бориса на стороне маленький ребенок, что она, Ядя, говорила с матерью этого ребенка, но со мной та говорить не захотела. Я не могу поверить, что при любви Бориса ко мне это правда».

Инга: — А я думаю, что он ее безумно любил. Я читала его письма к маме: они душераздирающие. Возможно, у него и мог кто-то появиться на стороне, может быть, она ему отказывала в интимных отношениях... Не знаю. Мне кажется, Горбатову было ни до кого: за ней бы уследили! Он пишет: «Что бы ты ни было на свете, я счастлив, что у меня была такая любовь в жизни». Судя по тому, что я прочла в дневниках и письмах, он, наверное, удерживал маму тем, что писал для нее сценарии и пьесы. Она даже вместе собиралась написать сценарий.

— Он же ее бросил...

— Нет, все было не так. Маму посадили, Горбатов выдал меня замуж, и почти сразу у него случился инфаркт. За ним ухаживала Нина Архипова. Она потом и вышла за него замуж. Хотя, думаю, он все равно продолжал любить маму. Горбатов очень помогал мне, бабушку содержал, да и посылки маме он оплачивал. Именно он дал мне возможность учиться, и, конечно, я ему бесконечно благодарна. Если бы мама не была такой эгоцентричной (она, помните, пишет, что «актриса должна быть эгоцентристкой, а я сверхэгоцентристка»), жизнь ее сложилась бы по-другому. Кстати, перед смертью она мне сказала, что то роковое письмо, которое написала Сталину, не Борис передал министру госбезопасности Абакумову, а наш секретарь, который просматривал все бумаги. Он ее и «заложил». Да и я не сомневалась: Горбатов такого предательства совершить не мог.

Тата: «Вот и оказалась второй раз в Кремле. Я не захотела рожать ребенка от Бориса, аборты запрещены, Ядя нашла подпольного врача, и вот я здесь — еле-еле, но спасли. Он должен разлюбить меня не за измену, не за нелюбовь к нему — к этому он относится спокойно, а за идеологические расхождения».

— Борис Горбатов в книге просто раздавлен: «лизоблюд, борзописец», даже его подарок она называет машиной «консервного типа»...
Инга: — В ее дневнике написано: «Не любя, продолжаю с ним жить, и за это я его ненавижу». Она совершенно не выносила компромиссов. Компромисс для нее был подобен смерти. И тем не менее маму устраивала их совместная жизнь. Горбатов ей давал и материальные блага, и общественное положение. Постоянно шел разговор о том, что и дальше он будет писать именно для нее...

Про ее бескомпромиссность и нетерпимость ходили легенды: мне рассказывали, даже в лагере она могла дать по морде начальнику охраны. Вы представляете, в лагере!

Тата: «Вчера на приеме, когда мы с Валей Серовой проходили по залу, я почувствовала змеиное шипение, и жало впилося: «Две продажные суки продали свою красоту и талант цеховским холуям».

— В нее легко влюблялись?

— Я была у нее в лагере, и это одно из самых страшных моих воспоминаний. Меня мучили дни три-четыре. Хотя было разрешение из Москвы, гоняли от начальника режима к начальнику лагеря, и так до бесконечности. А когда я уже пришла в лагерь, увидела, что комендант буквально перед ней прыгал на задних лапках. Молодой симпатичный капитан, влюбленный в маму... К озеру вынесли стол, накрыли его, вышла мама — красивая, как всегда. Капитан то и дело спрашивал, что нам угодно. Она умела в себя влюбить. Жлобы всякие, конечно, ее ненавидели. А люди интеллигентные — наоборот. Она жила на этих контрастах.

— Слышала, что Окуневская собирала подборку статей о Константине Симонове...

— Он у нее был врагом №1. Он написал действительно очень плохие и жестокие стихи о маме. Однажды я прямо заявила, что Симонову должно быть стыдно за то, что он посмел посвятить эти стихи собственной жене Валентине Серовой и все свои негативные эмоции перенес на ее «коллегу». Это нечестно! Серова ведь сыграла в судьбе Симонова такую же трагическую роль, как и мама в жизни Горбатова. Основной рефрен этой поэмы — она не жена, она не способна создать ни дома, ни семьи. Конечно, она его возненавидела. Думаю, надо ценить чувство Горбатова к маме, то, что она дала ему познать счастье и любовь. Многие ведь, прожив жизнь, понятия не имеют, что это такое — любить!

Тата о своей любви в лагере: «Алексей высок, строен, не худ по-лагерному, лицо интересное, умное, интеллигентное, аккуратен, светлоглазый русак... Не понимаю, что делаю, что говорю, бледнею, краснею, как девочка, ночью считаю часы, оставшиеся до репетиции, чтобы увидеть его, быть рядом, смотреть в глаза... Мы как будто ходим по раскаленной проволоке босиком. Если что-то случится, не знаю, как буду жить дальше. Наша любовь, как ворох сухих осенних листьев: ветер, и они взлетают, шуршат и кружатся, и все кажется безнадежным, ветер улетел, листья затихают и опять ложатся на то же место. Теперь во мне, как в сказке о мертвой царевне, проснулось что-то мучительное, сладкое. Я мечтаю о другом Алексее... теплом, страстным, рядом с собой... Это не четыре года отсутствия любовных утех, это другое и не такое, как было раньше».

Инга: — Мне кажется, что Алексей — образ выдуманный, собирательный. Поэтому, думаю, как классический герой, он у нее в книге и умирает. Понимаете, мама была очень крупной личностью и яркой женщиной. К сожалению, ей не пришлось смотреть на мужчину снизу вверх. И я не думаю, что такой вообще мог быть или был в природе. Мы все с недостатками, а ей казалось, что она может найти идеал. Мама в этом смысле и в мою жизнь пыталась вмешаться, говоря неприличные вещи о моих мужьях. Она придумала весь мир, людей и себя саму. Иногда, читая ее дневники, я чувствую, что она была очень одинока. Хотя может быть, ей никто и не был нужен. Она была из тех редких людей, которым всегда интересно и не скучно самим с собой.

— Поэтому после тюрьмы и развода с Горбатовым Окуневская больше ни с кем не захотела связать свою жизнь и утверждала, что «лучше опять в лагерь, чем замуж»?

— А она была замужем.

— Вы шутите? Во всех своих интервью Татьяна Кирилловна говорит обратное!

— Да, после заключения мама вышла замуж. Не могу сказать за кого, потому что она свое замужество тщательно скрывала. Это продолжалось недолго, он с ней развелся.

— Читала, что на закате ее жизни появился нежданный обожатель.

— Был такой человек — Владимир Петрович, который за ней ухаживал, когда она была в Горьком в 1937 году. Поклонник, и ничего больше. Потом они не виделись практически всю ее жизнь, а за пять лет до мамини смерти они — заслуженный строитель, симпатичный, милый джентльмен — появился. Владимир Петрович очень трогательно к маме относился: приносил цветы, еду вкусную, раков, которых она обожала, в Париж возил. Конечно, в таком возрасте никакие страсти невозможны. Но мама его очень ценила. Это был редкий случай ее теплого и нежного отношения к мужчине. Он умер раньше нее, и она ездила на похороны...

— С возрастом ее непримиримость к жизни притупилась?

— Перед смертью мама стала очень требовательной и все время была мной недовольна. Хотя с пожималими людьми, особенно с теми, которые серьезно больны, такое случается. Она наотрез отказывалась от того, чтобы при ней дежурила медсестра. Дошло до того, что однажды ночью она встала в туалет и упала, до утра пролежала на полу. В конце концов ей пришлось согласиться на круглосуточное дежурство. Когда я привозила ей поесть, она кричала: «Что это вдруг ты разучилась готовить?! Незадолго до смерти она бросила мне бриллиантовое кольцо на одеяло, сказала: «Видишь, как я похудела?» Наверное, это было ее прощальный жест. Вероятно, ей с ним трудно было расстаться, потому что она носила его много лет не снимая.

Тата: «Когда была маленькой, я мечтала стать царицей, чтобы сделать всех богатыми, добрыми, честными, и, если бы у меня в руках был волшебный микрофон, я бы закричала на всю Россию: народ мой, русские, помните, гибнет нация, перестаньте воровать, пресмыкаться, перестаньте заливать душу водкой, перестаньте лгать, кривить душой, верьте во что угодно, даже в вашу коммунистическую партию, в которую вы вступаете за блага, верьте искренно, истинно, без веры человек ничто, былинка».

Елена МИХАЙЛИНА, пос. Николина Гора.

P.S. Читаю ее книгу — и воочию представляю, как 88-летняя дача с вечно очаровательной улыбочкой Яды и перепланировала свою жизнь. Как сыграла, как придумала, какой красивый и печальный миф создала! Зал дождя вздохнуть с восхищением и в который раз оценить неподражаемую игру женщины, бросившей во имя Любви вызов Системе и оставшейся Актрисой до последнего вздоха...